

Минеева Дарья

Серия: «Дневники пуританина»

**Булавка в виде тюльпана:
из бытности Билла Хукера.
Повесть первая**

Дневники пуританина

Дарья Минеева

**Булавка в виде тюльпана:
из бытности Билла
Хукера. Повесть первая**

«Автор»

2026

Минеева Д. Е.

Булавка в виде тюльпана: из бытности Билла Хукера. Повесть первая / Д. Е. Минеева — «Автор», 2026 — (Дневники пуританина)

Эта повесть является ответвлением романа "Булавка в виде тюльпана". Привычный мир юного Билла сгорает дотла во время индейского набега. Он делает первые шаги по кривой дорожке, что сулит легкий заработок, свободу и хлеб для своих в залог честности, совести и, возможно, шеи.

© Минеева Д. Е., 2026

© Автор, 2026

Дарья Минеева

Булавка в виде тюльпана: из бытности Билла Хукера. Повесть первая

Билл не любил вспоминать. Говорил: «Было, да сплыло».
Но по ночам он выходил на берег и долго глядел на море.
Много поведали мне его соратники, его супруга, его дочь.
Здесь не просто его бытность, а шрамы, кои она оставила.

1675–1681

Дверь дома собраний была открыта, и в зал тянуло сыростью с залива. Непогодило. На полу еще обсыхали следы сапог — кто-то пришел с лодки, не переобуваясь.

Билл с отцом ждали в первом ряду. Неотесанные доски скамьи драли одежду. Отец сжимал штанины на коленях, желваки мучительно ходили под кожей. От его пристального взгляда, казалось, воздух вот-вот заискрится. На нем был лучший дублет — тот, что обычно пылился в сундуке и удушливо пах полынью, кою мать клала от моли.

Уэйкманы опустились сзади — отец и сын, ровесник Билла. Тот косился так, будто тыкал в него пальцем — только взглядом.

Уиллетт вошел со стопкой бумаг. Сел за стол и постучал по нему костяшками — раз, два, три. В зале стихло. Объявил хрипло: «Уэйлан Хукер».

Отец нехотя встал. Скамья со скрипом распрямилась.

Уиллетт развернул бумагу. Та подрагивала в его руках — то ли от сквозняка, то ли от старческой дрожи.

«По причине упадка торговли почти на семь десятков частей из ста, долгами перед Лондоном, что более цены товаров в амбарах, и неспособности поддерживать налог, положенный для граждан первого ранга, постановлением совета Уэйлан Хукер низводится в ранг второй».

Каждое слово ложилось ровно, точно доски в настил.

Отец молчал, но пытел запястником.

«Посему земельный надел у южного ручья, размером в один акр, подлежит передаче семье Уэйкманов. У них семеро детей, им нужнее».

За спиной зашуршало — Уэйкман-старший, по-видимому, кивнул: «Да, нужнее».

Ноздри Билла раздувались. Он сложил руки на груди.

Уиллетт уточнил: «Возражения есть?»

Тишина. Все внимание сосредоточилось на отце. Испытующее, сочувствующее, равнодушное — всякое.

Вдруг волна ударила в причал. Брызги веером окатили окно. На миг в зале наступила темень. Собравшиеся одновременно повернули головы.

Отец процедил: «Нет».

Грустно сел, выдохнул — на его спину словно взвалили мешок. Скамья вновь прогнулась, застонала под бременем его молчания.

Уэйкман, в противовес ему, поднялся легко, дыша полной грудью. Обратился к залу: «Братья. Кто подсобит? У меня лошадь одна, две надо. Древесину подвезти, забор обнесу».

Несколько голосов отозвались.

Билл поскрипел зубами. Как бы у него ни чесался затылок под ухмылкой Уэйкмана-младшего, он не обернулся и сосредоточился на руке отца. В рубцах, с кровоподтеком под ногтем — в прошлом месяце прищемил бочкой. Руке увесистой, но безвольно теребящей ту же штанину.

Его собственные кулаки были сжаты. Он тихо зашипел и разжал их; на ладонях остались красные полумесяцы от ногтей.

Потом объявили перерыв.

Народ зашевелился, зашумел, потянулся к выходу — на воздух, обсудить мирские заботы.

Вышел и отец. Подышать или покурить — для него сие было равноценно.

Билл не спешил его догонять. Наконец, он тоже решил проветриться. Ветер ударил в лицо — соленый, колкий. Небо висело низко, того и гляди прольется. Чайки с жадными криками отнимали поживу у голубей.

Сзади раздался свист.

«Эй, Хукер!»

Билл застыл на ровном месте и крутанулся через плечо.

Сынок Уэйкмана стоял, привалившись плечом к стене дома собраний, большие пальцы заткнуты за пояс. На лице играла усмешка — особенно ярко против загорелой кожи.

«Уже уходишь? А отца сейчас новым глашатаем объявлять будут. Голос у него — с того берега слышно».

Билл молчал. Сверлил его взглядом — примерялся, долетит ли камень.

Уэйкман-младший отлепился от стены, шагнул ближе.

«Не поздравишь? Гордый, да? Чем я засл...»

Билл ударил. Коротко, без замаха — прямо в зубы. Голова Уэйкмана откинулась, он качнулся, но на ногах устоял. Брови его сошлись на переносице — сначала от удивления, потом от ярости.

«Ты...»

Они сцепились и рухнули на землю. Кулаки били куда попало — в спину, ребра, лицо. Оба отплевывались от грязи и крови — своей или чужой, не разобрать.

Со всех концов приближался топот сапог.

«Хорош! Эрон!»

Их растащили; крепкие руки рванули в противоположные стороны. Уэйкман-старший оттеснил кого-то, вцепился в сына. Эрон стоял взлохмаченный, выпачканный в слякоти, зажимая ладонями нос.

Билл кидался, но его держали крепко за ворот и трясли.

Отец прогремел над ухом: «Охолони!»

Дыхание частило и рычало. Билл вытер разбитый нос рукавом и впервые за день улыбнулся — победно, показывая розовые от крови зубы.

Уэйкман-старший перехватил сына за плечо, дернул на себя. Осмотрел посиневшее лицо, зубы. Затем выпрямился и обменялся многообещающими кивками с Хукером-старшим. Велел: «Пошли».

Эрон залепетал: «Но он первый...»

«Я сказал: пошли».

Он развернул сына и повел прочь.

С полдороги донеслось: «Он злой! Со злыми никто не дружит».

Слова вцепились в Билла, как репей.

Зеваки расходились. Одни удрученно качали головой, другие перешептывались об увиденном.

Рубаха Билла закрипела в хватке отца.

«Очумел, щенок? Убить вздумал?»

Мальчик поднес дрожащую руку к лицу — кожа на костяшках была содрана, сочилась сукровицей. Заявил: «Он заслужил».

По привычке он втянул голову в плечи; подзатыльник прошелся по кончикам волос, оставив отца в недоумении.

«Ах ты... уворачиваться мне вздумал? Ну, погоди, уши я тебе надеру».

И с сими словами он взашей погнал сына к дому. Билл спотыкался, едва не падал, но шел. Оборачивался проверить, не летит сапог ли сзади и снизу.

На пороге ждала мать. В руках сжимала мокрый передник, пальцы перебирали ткань. Она ахнула, увидев синяки на сыне.

Отец распорядился, не взглянув на нее: «Рыбу неси. И Марте скажи».

«Какую рыбу?»

«Всю, коя на льду в погребе».

Мать преградила ему путь.

«Уэйлан, он же дитя...»

Отец сбросил ее руку. Повернулся к Биллу: «Дитя? Ты дитя? Кто дрался? Кулаками махал?»

Билл насупился.

«Я».

«Вот иди, отрабатывай, раз руки чешутся. На причал. К вечеру вся рыба должна быть вычищена».

Мать снова шагнула к нему.

«Уэйлан, там рыбы на три дня. Он не управится. А продавать ее чищенную как?»

Отец был непреклонен.

«Управится. Заночует на причале. Не перечь, жена».

Удалился в дом. Дверь захлопнулась, и с крыши посыпались желуди.

Мальчика била крупная дрожь.

Мать огрела сына передником. Затем порывисто прижала его голову к груди.

«Пойдем, умою тебя».

Рыбы было немерено. Треска, пикша, камбала — целые ящики, доверху наполненные скользкими тушками, от коих несло солью и кровью. Лед почти растаял, отчего ноша стала еще неподъемнее.

Билл взял первый ящик, подтащил к скамье — на ней обычно чистили улов рыбаки. Собрал рыбу, что растерял по пути, и швырнул обратно в ящик. Достал нож. Первая пикша поддалась легко — вспороть брюхо, вытряхнуть внутренности в подставленное ведро, отрубить голову, хвост, плавники. Вынуть хрящи.

Вторая. Третья. Четвертая.

Руки озябли, но он не останавливался. Работал лихо, с остервенением. Каждая рыба была ему лицом Эрона.

Сзади чавкнула земля — кто-то подошел.

«Я где говорил тебе сесть?»

Отец дернул подбородком в сторону причала.

«Чеши туда».

Билл буркнул: «Мне и тут хорошо».

«Там сядешь, я сказал».

Билл мученически вздохнул и поднялся. Потащил — нет, погнал пинками — ящик дальше — к самому краю, где волны терлись о сваи. Сел, сложив ноги перед собой. Полоснул ножом. Чешуя небрежно разметалась; часть осела на досках и блеснула перламутром.

Отец смахнул ее сапогом в воду.

«Чешуя должна падать в воду. Вся».

Билл стиснул зубы и покосился на него. Отец всматривался в темную пучину. Прошептал на манер большого секрета: «Грех. Ты согрешил. Змий знает».

Мальчик остановился и сжал нож крепче.

«Он придет на перезвон чешуи, обязательно придет. И спросит, кто дрался. Ты ответишь».

Слова сыпались все быстрее, почти неразборчиво.

«И не ври. Змий кожей чувствуют ложь».

Билл закатил глаза. Опять старая притча. «Я сам его видел! День, да вода стеной. Он поднялся — длинный, глаза как блюдца. Смотрел на меня. Потом — раз — и ушел. Обратно в воду. Одни круги пошли».

Взор у отца был пустой. Совсем пустой, словно внутри никого не осталось.

Внезапно он развернулся и ушел.

Билл долго глядел ему в спину, в недоумении.

Змий.

Он передернул плечами и взял следующую рыбу.

Отрабатывал дотемна. Суставы не разгибались, порезы жгло от соли, а нож то и дело выскальзывал. Ящики пустели медленно, но руки сами тянулись к новому.

Змий не пришел.

Стук в ставни стал частью сна Билла. Ему снилось, что Джейкоб рубит дерево. Тук. Тук. Тук.

Снаружи пришло: «Вставайте, люди добрые. Солнце восходит, работа не ждет».

Билл дернулся, проснулся. Он слышал, как будильщик прошел дальше, постучал в соседское окно. Сосед сонно пробубнил: «Иду, иду».

За стеной уже возилась служанка. Скрипнула дверь, зашаркали шаги.

Мальчик сел, моргая спросонья. Растер лицо ладонями. Глаза слипались, голова кружилась. Он встал, натянул штаны и рубаху. Распахнул ставни.

Утро было серое и тягучее, как вчерашняя овсянка. Залив штормило — волны колотили берег и омывали дорогу.

Мать кипятила котелок. При виде сына улыбнулась ему сдержанно, подала ковш.

«Умойся. Завтракать будем».

Билл плеснул из бочки на шею, в лицо. Холод опалил щеки и прогнал остатки сна.

Тут издали послышался гул. Копыта, лошадиное ржание, звон сбруи. Билл поспешил на крыльцо, где во дворе уже ковырялся отец.

В ворота нестройной колонной въезжали ополченцы. Много — Билл сбился считать после двадцати; все при оружии. Впереди — высокий, статный командир на рыжем коне; его бронзовые волосы развевались в галопе.

Пришельцы заполнили центральный пустырь. Командир придержал треуголку, когда порыв ветра рванул поля. Позвал зычно: «Эй, мужики! Выходи, дело есть».

Из домов потянулись хозяева. Кто в исподнем, кто уже одетый. Стекались к отряду, точно муравьи к упавшему листу.

Отец оторвался от грядок, держась за спину.

«Чего надобно, капитан?»

«Дело государственное, Уэйлан. Индейцы».

«А чего индейцы?»

«Убийцы Сассамона найдены».

Изумленный ропот содрогнул улицу.

«...долетались, голубчики...»

«...такому дипломату шею свернули... мы без него... совсем дикарей понимать перестанем...»

Капитан перекрыл гам: «Трое. Все из народа вампаноаг. Суд приговорил их к смерти».

Отец прикусил щеку — переваривал услышанное.

«И что теперь?»

«А теперь Филип, королишко ихний, уж прознал. Того и гляди — взбеленится. Заговор-то раскрыли, его приспешников скоро вздернут. Тайно копит силы в племенах наррангасеттов».

Кто-то выплюнул: «Вот так они мир блюдут!»

Капитан окинул взором народ, будто бегло пересчитывал поголовье.

«Губернатор поручил мне собрать рейнджерский отряд. Нужны добровольцы. Сходим разведаем, чего там у них. Может, обойдется, а может — воевать придется».

Мужи зашумели. Одни соглашались сходу, другие спорили, сомневались. Кто-то выступил: «Чего ждать? Надо бить первыми!». А в ответ: «А может, обойдется?»

Капитан подстрекал: «Ты как, Хукер? Пойдешь?»

Отец не дрогнул.

«Я торговец, Черч. И рыбак. По закону — освобожден».

Черч прищурился.

«Знаю, знаю».

Кивнул на Билла, и тот напрягся.

«А сын? Кабан вон какой вымахал. В самый раз».

Солдаты загоготали. Даже капитанский конь взмахнул головой, заржал и ударил копытом.

Отец остался невозмутим. Он поднялся на крыльцо, затолкал Билла себе за спину. Ревностно, как пес, загораживающий недоеденную кость.

«Один он у меня. Помощник в семье. Не пойдет».

Черч усмехнулся. Недобро так.

«Остынь. Шучу. Мальчуган твой росточком не вышел. Пока».

Посерьезнев, он вытянулся в седле и указал пальцем на отца — так, что невидимая линия нашла того сквозь толпу.

«Но ты подумай, Хукер. Однажды ему придется воевать с соседями. Ты готов объяснить ему, за что?»

Морщины на лбу отца углубились. Он ошетинился и посмотрел исподлобья, поводит челюстью.

Капитан предупредил: «А не пойдет — так запишем в дезертиры. И тогда не пеняй».

Дезертиры.

Слово выползло тем самым змием из воды. Скользкое, неприятное.

Отец бросил: «Записывай. Хоть в дезертиры, хоть в изменники. Не отдам».

Билл опустил вытянутую руку отца, что загородила ему обзор.

«Не соседи нам индейцы. Вы ополчение — вы и разбирайтесь. Наше дело жратвой вас снабдить».

Черч фыркнул, развернул коня. Тот показал рыжий бок и остро очерченный профиль капитана.

«Кто идет со мной — подходи. Остальные — готовься. Война обобьет каждый порог».

Мужи разделились во мнениях. Те, кто загорелись, уже побежали домой за ружьями. Другие только сокрушались и расходились по своим делам. Так поступил и отец — направился к амбарам, готовить новую партию к продаже.

Оставленный наедине, Билл запрыгнул на перила и поболтал ногами.

Мать вынесла ему кружку с молоком.

«Не сиди на голом. Простынешь».

Он пил и грел руки. От теплого его щеки порозовели. Волны успокоились, но штиль всегда предвещает ветры.

Хукер волок сына через весь Суонси. Пальцы пиявками впивались в запястье.

Мальчик прорычал: «Пусти».

Упирался, пытался вывернуться, пинал отца по сапогу, но тот лишь тащил его сильнее. Гавкнул: «Рот закрой. Потом сам спасибо скажешь».

За выпасом, где кончались хозяйства и начинался речной берег, открылась верфь. Билл закашлялся: запах смолы ударил в ноздри раньше, чем он увидел стапели.

Остов корабля рос у самой воды. Громадный и ребристый — прямо китовый скелет. Вокруг сустились работяги: пилили, строгали, стучали и перекликались через весь берег.

Отец выпустил руку сына, как бросают поводья.

«Жди здесь».

Билл остервенело растер запястье. Кожа горела и пульсировала подобно крапивному ожогу: отец отпечатал на ней клеймо в форме своей пятерни.

Хукер-старший подошел к столу, заваленному чертежами. За ним стоял человек в кожаном фартуке, с угольным карандашом за ухом, и водил пальцем по бумаге. Что-то объяснял молодому парню; тот кивал, записывал на дощечке.

Отец окликнул: «Ли».

Ли вскинулся.

«А, Хукер. Чего тебе?»

Тот осмотрелся по оба плеча.

«Дело есть. Сына вот привел к тебе в подмастерья».

Он поманил мальчика, выставил перед собой и стиснул ему плечи так, что Билл скривился.

Хозяин верфи прищурился, оглядел его.

«Сколько летов?»

«Тринадцатый».

Ли хохотнул, сверкнув щербатым ртом.

«Да будет заливать-то. Видно же, что мельче».

Отец и бровью не повел.

«Ничего, окрепнет. Я вас провизией обеспечу да смолой».

Ли и слушать не стал — сразу замахал руками.

«Смолой. Ты в лесах давно бывал? Там смолы — хоть ушами жуй».

«То-то и оно, что в лес просто так не сунешься. А коли индейцы? Лесорубы — и те с охраной вон. Раньше оттепелей не приезжают, когда индейцы на север мигрируют. Самому небось в часток охота поскорее?»

Хозяин верфи набычился.

«Да? Мальцов моих видел? Ни один индеец сюда носа не кажет. На твои соловьиные трели я не ведушь. Ты бы с купцами рассчитался для начала. Тебе корабел в семье для чего? Торговле его обучи, глядишь, толковее тебя будет».

Отец постучал по губе. Шагнул на доверительную дистанцию, но Билл услышал каждое слово: «...да не толковый мне нужен. Еще раз тройную пошлину уплачу — ко дну пойдем. А корабелы... не идут. Их не призывают, они тут нужнее. Сам знаешь».

Ли почесал лысину карандашом.

«Во-от оно что... что ж. Я бы тоже не обрадовался... коли бы скальп моего сына чей-то вигвам украшал».

Подковылял к мальчику и наклонился так близко, что виден был каждый залом на фартуке и порез на лице после неудачного бритья.

«Руки покажи».

Билл нахмурился — того и гляди укусит, но все же повиновался. Ли схватил его кисти, покрутил, повертел, прощупал пальцы и сбитые костяшки. Проворчал: «Всех драчунов ко мне тащат, что ли?»

Похлопал мальчика по щеке.

«Ла-адно. Так-то ничего, крепенький, хоть и злюка. Пущай приходит завтра с утра».

Билл открыл рот, но отец уже натянул ему загривок.

«Придет. Спасибо, Ли».

Торопливо увел сына прочь.

На краю верфи, у другого стапеля, где щепки летели во все стороны, ушей Билла коснулся знакомый ноющий голосок: «...но отец, я хочу как ты! Вести людям разносить! А не полена колоть!»

Уэйкман-старший наставлял терпеливо, но жестко, поправляя руки сына на топорщице: «Держи крепче. И бей ровнее, а то обухом в лоб отскочит. С чего ты взял, что в глашатаи тебя за красивые глазки возьмут? Рыла бить ты горазд, а делом заниматься не умеешь. Будешь здесь, пока дурь с гноем из мозолей не выйдет».

Эрон взмахнул головой, дабы стряхнуть с покрасневшегося лица прядь волос, и увидел Билла.

Рот его раскрылся, и топор застыл на полпути.

«Ты?!»

Уэйкман-старший обернулся. Поприветствовал сдержанно: «Хукер».

Отец отозвался: «Уэйкман».

Эрон не унимался: «А он что здесь забыл?! Я с ним не буду!»

Билл нахохлился.

Мистер Ли рявкнул откуда-то с палубы: «Эй, петушня!»

Эрон и Билл втянули головы в плечи.

«Тут вам работа, а не кулачный бой. Подеретесь — вышвырну обоих. Ясно?»

Уэйкман-старший дал отмашку и отвернул сына к стапелю.

«Будешь, как миленький. Маши давай».

Хукер толкнул своего в спину.

«А ты шагай. И без выкидонов мне».

Верфь исчезла позади. Затылок горел то ли от презрительного взгляда Эрона, то ли от отцовской хватки.

Билл пришел на верфь затемно. Отец разбудил: сорвал одеяло, выдернул подушку из-под головы. Наказал: «Опоздаешь — выгоню». Билл не торопился, но чудом не опоздал.

Туман висел над рекой и припрятывал все тот же остров. На верфи уже кипела работа.

Мистер Ли попивал что-то дымящееся — суп или травяной настой. Билл махнул ему, мол, здесь я. Хозяин верфи указал ему кружкой на дальний стапель.

«Доски обтесывать будете. Вон те, что у штабеля. Вот так, запоминай».

Он показал, как сие делается.

«Напарник твой заждался. Ступай».

Напарник.

Билл пришел в указанное место и неудивленно встретил Эрона. Тот сидел на стопке досок, кои предстояло обтесать, и накручивал на палец соломинку. Рядом лежали тесаки, пилы, рубанки и — почему-то — одно весло.

Их глаза встретились.

Эрон буркнул: «Явился не запылился».

Билл сдержал порыв. Пнул весло.

«Что сие?»

«Весло».

«Вижу, что весло. Зачем оно тут?»

Эрон дернул плечом.

«Почем мне знать?»

«Так убрать надо».

«Так убери. Ты спросил — ты и убирай».

Билл порывисто выставил ногу.

«Ты мне указывать будешь?»

Эрон прыгнул с досок и надвинулся на него, упершись руками в бока.

«Да, буду. Потому что я старше».

«Попробуй заставь».

«Слушай, ты...»

Они чуть ли не бодались, стреляя глазами один в другого. Билл оттолкнул Эрона.

«Не лезь, а то получишь».

Тот фыркнул и передразнил его: «Ой-ой-ой».

Несколько мгновений они стояли неподвижно; каждый не спешил уступать. А потом одновременно потянулись за веслом и звонко стукнулись лбами.

«Ай!»

Билл отшатнулся, потер ушибленное место. Эрон зашипел сквозь зубы, схватился за голову.

«Смотри, куда лезешь, баран!»

«А ну повтори, баран».

Они расхватили рубанки — брызжа, бубня каждый под нос — и растащили доски по своим углам, спина к спине.

Эрон зыркал на Билла. Билл — на Эрона.

Один выцедил: «Ненавижу тебя».

Другой парировал: «Начхать мне».

Эхом из леса доходили приглушенные удары топоров. Чем-то напоминало дятлов. Высокая сосна с треском завалилась — лесорубы готовили мальчикам еще работы.

У кромки воды расположился Роланд — щуплый, веснушчатый, с мокрым носом, — и плел свои канаты. Пальцы его мелькали быстро, но сам он то и дело шмыгал, вытирал нос рукавом и поглядывал на драчунов с опаской.

Билл отпустил рубанок: в руку впилась кривая заноза. Он вынул ее и зажал языком кровоточащую ранку. Покосился на Эрона — тот сопел, пыхтел, но трудился как одержимый.

Прошел час, еще. Билл извлек флягу, поднес к губам... подумал и пить не стал; втокнул пробку обратно и оставил на видном месте, поближе к углу Эрона. Стер между ними линию на песке. Молвил мирно, указывая на правую сторону доски: «Там криво у тебя. Бугор целый оставил».

Эрон огрызнулся: «Тебя забыл спросить!»

«Да подожди ты. Дай покажу».

Билл опустился на колени, взял у него рубанок и провел по доске ровно, с нажимом — так, как научил мистер Ли.

«Вот так надо. Держи».

Отошел. Эрон задрал нос, но, проверив, не смотрит ли Билл, начал делать так, как тот показал. Проворчал: «Подумаешь...»

Солнце подбиралось к зениту — время обеда. Мальчиков отправили к реке набрать воды. Они вцепились в ручку котла каждый со своей стороны и тащили, расплескивая половину и переругиваясь.

Роланд то и дело что-то ронял. То иглу, то веревку, то готовый моток. Нагибался, поднимал, шмыгал носом и снова плел.

В какой-то момент с его колен съехал небольшой отрывок и покатился под ноги Эрону. Тот чуть не споткнулся, и они с Биллом поставили котел на землю. Эрон гневно отпнул канат — тот отскочил от ног Билла.

Билл замер. Эрон, пятясь на доброе расстояние, смотрел на него с вызовом.

Билл пнул обратно — канат проскользнул пару ярдов и лег прямо под сапог Эрону.

Эрон прыснул со смеху. Поддел носком. Пнул снова.

И Билл пнул.

Канат летал между ними лососем на нересте.

Роланд завертел головой, глаза его округлились. Пискнул: «Отдайте! Мне же плести надо...»

«Поймай!»

Эрон со всей дури дал пас Биллу, и канат хлестнул того по щиколоткам.

Роланд сорвался с места и побежал. Неловко, по-девчачьи. Но канат уже очертил дугу над его головой и устремился обратно к Эрону, коий остановил его коленом в полете. Потом к Биллу. Потом опять.

«Ну отдайте!»

Роланд метался туда-сюда. Не поспевал за ними, боялся вытянуть руки к стремительному «мячу».

«Пожалуйста! Мне от Ли попадет!»

Эрон рассмеялся. Билл тоже не смог сдержать ухмылку. Роланд размазывал слезы по щекам, и было в сем что-то потешное и жалостливое одновременно.

Из чащи, где трудились лесорубы, вышел Джейкоб. Самый старший, широкоплечий, с кульком орехов в руке. Засмотрелся на беготню, на канат, на хныкающего Роланда.

«Чего вы тут?»

Билл и Эрон отозвались в один голос: «Играем!»

Джейкоб придавил канат подошвой, когда тот просвистел мимо. Позволил Роланду подкрасться... и с хохотом подал обратно к Эрону, прямо под его носом.

Когда казалось, что Роланд вот-вот разрыдается, Эрон подтолкнул «мяч» в его сторону. Мальчик всхлипнул, вытер красные глаза и посмотрел на всех троих вопросительно.

Билл подначивал его: «Ну, давай. Пни».

Роланд шмыгнул так сильно, что аж хрюкнул. Раз — и пнул. Криво, взбаламутив пыль, но канат ушел к Эрону.

Эрон с силой отбил его и заулюлюкал: «Неплохо для сопливчика!»

«Игрушка» переходила теперь между четверьмя. Роланд освоился — переваливался, но успевал принимать и отдавать. Слезы обсохли, и вместо них появилась улыбка — робкая, а потом вдруг взорвавшаяся звонким смехом. Остальные скакали вокруг него, галдели и пытались отнять «мяч».

«Так нечестно! Нельзя руками!»

Кто-то из рабочих присвистнул со стороны кострища.

«Э, балагуры! Мы ухи сегодняждемся или как?»

Пристыженные мальчики разбрелись, переглядываясь и похихикивая. Билл и Эрон — обратно к котлу, Роланд — почистить рыбу, Джейкоб — к беличьей кормушке.

Шепнули друг другу: «Увидимся на обеде».

И снова замолчали. Но иначе. Не так напряженно, как утром.

Билл шел вдоль ручья, давил шишки и думал о своем. Работы не было: отец уехал по делам, мать отправила за хворостом, но хворост мог подождать. Ноги сами несли его туда, куда старшие велели не ходить.

Отец, бывало, говорил: «В Род-Айленде наши братья по вере нашли приют. Пуританские старейшины их клеймят, а Бог судит не по земле — по сердцу». Билл зачем-то повторял «приют» себе под нос.

Лес густел: деревья становились выше, кусты — тернистее, словно не хотели пускать.

За последними ветвями начинался луг.

Эрон, Джейкоб и Роланд с трудом нагнали его. Джейкоб зацепился за колючий терновник, и Роланду пришлось освобождать его и утихомиривать.

Эрон поинтересовался: «Ну и чего ты там встал?»

Билл ответил не сразу. Ветер пригладил траву и его волосы.

«Да просто смотрю».

«И на что там смотреть?»

Эрон заозирался во все стороны, даже вверх.

«Там ничего нет».

Джейкоб ляпнул: «Там — Род-Айленд».

Роланд ахнул, как коли бы набрал в грудь воздуха перед нырком, и накрыл ладонями рот. Вымолвил еле-еле: «Нельзя туда... там... как их... вол... вол...»

Эрон подсказал: «...волки?»

«Нет... вол...»

«...волхвы?»

«Да какие волхвы... вольно... вольно...»

«...думцы?»

«Да! И преступники... ой, отступники».

Билл сорвался: «Кто тебе сказал? Один ляпнул, а ты повторяешь, аки ворона».

«Бабушка сказала...»

«Ты был там?»

«Нет, брат убьет...»

Роланд поочередно зыркнул на каждого, о чем-то догадываясь.

«...а вы что, были?»

Джейкоб ни с того ни с сего обхватил его и взлохматил макушку.

«Ты-то мелочь совсем, тут уже родился. И семья твоя? Из Плимута? А мы оттуда родом все».

Роланд издал пораженное «о-ох».

«Вре-ешь!»

Билл был задумчивее обычного.

«Не помню ни шиша. Помню, как называлось — Рехобот. Помню, как мы ушли оттуда... а потом...»

Эрон закончил за него: «...построили Суонси».

Роланд не смел повышать голоса: «А почему ушли-то?... индейцы?»

Джейкоб пояснил: «Да ты ж сам ответил: "вольнодумцы и отступники". Губернатор дал выбор: либо вы с ними, либо с нами».

Эрон вспомнил: «Говорят, кто переступит черту, того ловить нельзя без дозволения губернатора. А пока дозволения дождутся — беглец скроется. Преступники и правда там прячутся...»

Билл оценивал ту сторону. Трава там на вид была такая же зеленая, птицы пели так же.

Он занес ногу над местом, где лес переходил в луг.

Роланд схватил его за рукав.

«Ты куда?! Ты что, убегаешь?!»

Билл вырвался.

«Не убегаю я, успокойся».

Эрон нахмурился.

«Старейшинам ох как не понравится... за такие дела по головке не гладят».

Шаг.

Мальчик прошел дальше, и высокая трава приняла его по грудь. Он распростер руки, покрутился на месте, вскинув голову к небу. Подождал мгновение, другое. Ничего не случилось — земля не разверзлась, молния не пронзила. Просто солома под ногами, ветер в лицо, и кузнечики стрекочут.

Он повернулся. Трое друзей стояли на окраине леса и смотрели на него огромными глазами.

«Ну? Идите сюда».

Джейкоба просить дважды не пришлось. Он чуть ли не окунулся в луг; травинки приминались там, где он проходил. Миг — и он уже возвышался рядом с Биллом. Воскликнул: «Правда, идите! Тут не страшно!»

Роланд лепетал: «Н-но там они...»

Билл оборвал его: «Да нет тут никаких "они". Иди, божиих коровок собирать будешь». На лице Эрона боролись замешательство и любопытство. Он переминался с ноги на ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.